

УДК 159.955

DOI 10.25799/AR.2019.41.1.023

Целостное мышление в консерватизме

Савищенко Александр Николаевич

Аспирант,
Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, набережная Университетская, 7/9;
e-mail: kelninski@mail.ru

Аннотация

Консерватизм характеризует не приверженность всему стародавнему (традиционализм); он представляет собой смысловое поведение в рамках динамической структуры связи, являющееся результатом социально-исторической ситуации.

Однако историческое сознание играет для консерватизма большую роль. История противопоставляется внеисторическому понятию природы. Контрреволюционное мышление отвергало содержательные элементы естественно-правовой аргументации (первобытное состояние, общественный договор, суверенитет народа, права человека), а также связанные с ней методические аспекты мышления, которые в рамках западноевропейской традиции выступали в качестве разума.

Противоположные когнитивные стратегии консерватизма и либерализма, холизма и атомизма, предлагающие несводимые друг к другу герменевтические матрицы толкования ключевых понятий политической теории между тем могут рассматриваться как «слепые пятна» друг друга. Их взаимосвязь не может рассматриваться в рамках стандартных топологий: цельность взгляда на политическую реальность может быть достигнута только соединением целостного и атомарного, что представляет собой действительно нетривиальную задачу, которая может быть решена только когда обе стратегии займут равноправное положение в политической философии. Но и обращение к особенностям целостного мышления позволяет понять те своеобразные установки консерватизма, которые подчас встречают непонимание и неприятие в общественной мысли.

Для цитирования в научных исследованиях

Савищенко А.Н. Целостное мышление в консерватизме // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 219-225.

Ключевые слова

Низкий интеллект, социальные консерваторы, консерватизм, ценности.

Введение

Среди решающих методологических особенностей, характерных для консервативного стиля мышления по К. Маннгейму в противовес либеральным установкам выделяется «выдвижение типа мышления, который исходит из понятия целого, которое не является простой суммой его частей [Маннгейм, 1993, 128]». В то же время для консервативного сознания различие между атомарным и целостным представлением политической реальности представляется отнюдь не очевидным.

С одной стороны, все отдельное, раздробленное, потерявшее связь с целым – эгоистическое, индивидуальное, дробное, относящееся к меньшинству – олицетворяет опасную для политического сообщества тенденцию к распаду и хаотизации. С другой для консерватора ничто иное так не демонстрирует жизнеспособность сообщества как решительный разрыв между социальными группами, поддерживаемый аристократическим индивидуализмом и нищезанским «пафосом дистанции». Так же как и на первый взгляд никак не соотносимые с целостным «народным духом» элементы традиции, вызывающие законную усмешку критического разума, между тем в своей «глупости» (индивидуальном мнении, отпадающем от общего), обладающие мудростью (принадлежности всеобщему) по Э. Берку, ведь «мудрость – это глупость после репрезентативного отстранения в менипповом жесте [Анкерсмит, 2014, 59]». Если же мы обратимся к кажущейся столь присущей политической риторике консерваторов склонности к апелляции к целостному, вечному и неизменному, к классическим формулировкам реакционного мировоззрения, которые так явственно различимы в словах идеолога французского абсолютизма Боссюэ: «Власть Бога заставляет ощутить за мгновение от одного конца мира до другого – королевская власть действует одновременно по всему королевству. Она поддерживает существование всего королевства, как Бог поддерживает мир [Доусон, 2002, 61]», то и здесь обнаружим одну лишь сторону консерватизма. Да, безапелляционно заявляет Шпенглер, «война есть вечная форма проявления высшего человеческого бытия [Шпенглер, 2002, 85]», но одновременно утверждает «мы люди определенного столетия, определенной нации, определенного круга и типа [Шпенглер, 2002, 128]». По немецкому философу вечные истины отнюдь не вечны, они имеют отношение лишь к определенным культурам и антропологическим типам. Так консерватизм находит себя между сиюминутностью и вечностью, целым и дробным – и то, и другое слишком ценно, и потому для судьбы всего консервативного проекта в целом так важно было найти то одновременно типическое и уникальное, что примирило бы эти противоположности.

Материалы и методы

В конечном счете с точки зрения методологии консерватизма должна быть разрешена задача преодоления широко понятого рационалистического мышления, совершающего движение между единичным позитивным фактом и всеобъемлющим универсальным определением. Первое сомнительно с точки зрения отсутствия опоры на авторитет, самоосновности истинности, что отсылает к атомизированному индивиду с *несомненно присущими* правами человека, второе – универсалистскими притязаниями на всезначимость с неизбежными формулировками абстракций для консерватора в корне неприемлемых: «человечество», «гуманизм», «свобода, равенство, братство», «прогресс» и т.д. При этом задача не может быть признанной решенной, если ответ ограничится апелляцией к мистической или эстетической расплывчивости, «романтической анархии» в которой иногда видят консервативный ответ на

вызов рационализма. Такой ответ не вносит ясности, ведь как пишет Карл Шмитт, «он [романтик] верит в Библию, но каждая настоящая книга – это Библия; он верит в гения, но каждый человек – гений; он верит в немцев, но немцы есть везде... он прославляет античность, но античность-повсюду... [Шмитт, 2015, 144]».

Нетривиальность поставленной задачи еще более усугублялось тем, что в начале XX века новый консерватизм, испытав влияние релятивистских идейных течений, стал близок к нигилизму – ни одна прошлая ценность или политическая форма не могла его более удовлетворить. Необходим был принцип политической организации по ту сторону морали, целесообразности, религиозных установок и даже традиции – не выносящий суждение, но обнаруживаемый и несомненный, при этом способный преодолеть догматы либерального мышления, единственного политического мышления по признанию К. Шмитта. В итоге им стал гештальт (gestalt) – старый термин, обозначающий образ, фигуру. Основы гештальт-мышления могут быть обнаружены еще в научном методе Гете, инспирировавший его ботанические и физиологические изыскания. Для Гете мышление и созерцание неотделимы, как он пишет: «моя мыслительная способность проявляется предметно... мое созерцание является мышлением, мое мышление – созерцанием [Цит. по Штейнеру, 2011, 52]». Такое мышление он называл «бережным эмпиризмом», где *общее уже содержится в частном, каждый особенный случай несет в себе следы общей закономерности* – с этим связаны его поиски прообразов природных явлений, их прасимволов; он считал, что нашел *прарастение и праживотное*, и поиски эти проистекали всякий раз из единственного наблюдения, все последующие же лишь наслаивали на него все новые детали – этот процесс скорее похож на все более точную настройку оптического прибора зрения, нежели чем на тонкую работу над понятиями; эта приоритетность *взгляда* окажется позже очень важной для таких новых консерваторов как Э. Юнгер, О. Шпенглер, К. Шмитт.

Синхронно в начале XX века появилась т.н. гештальтпсихология, которая сосредоточила внимание изучения сознания на визуальном восприятии: там, где позитивистская психология усматривала сложение атомов восприятия, они обнаружили организующий зрение **приоритет целого**, более того, всякий фрагмент, всякое отклонение от нормы обретало значение только благодаря его первоочередности. К тому же принципу обращался шпенглеровский взгляд на историю, в котором важнейшее значение имело созерцание культур и эпох с последующим обнаружением уникальности и типичности каждой из них; тут же и диагностика времени Э. Юнгером в книге «Рабочий: господство и гештальт» посредством определения ее гештальта – фигуры Рабочего, и его же замечание: «видение гештальтов есть революционный акт поскольку, постольку оно узнает бытие в совокупной и единой полноте его жизни [Юнгер, 2002, 96]»; особый случай представляет К. Шмитт, который в книге «Номос земли» упоминает об организующей силе международного порядка в номосе Земли, принцип которого отсылает к гештальту непосредственно. Не менее важно то, что вслед за Гете он ищет прафеномен политического и обнаруживает его в знаменитом противопоставлении друга и врага, подобно тому как Гете обнаруживает прафеномен цвета в борьбе света и тьмы, а земного ландшафта в противостоянии воды и огня.

Тем самым можно сказать, что гештальт интенсифицирует политическое мышление, занимая в его картографии особое положение своеобразных дискурсивных знаков, искажающих пространство политического дискурса и задающих непривычные траектории мысли. Так революционность отныне обнаруживается к принадлежности к гештальту, а контрреволюционность – в попытке избежать его влияния. Отсюда берет свое начало парадоксальный для привычного политического мышления язык появившегося в 20е годы в

Веймарской республике движения «Консервативной революции», выносящей свой обвинительный приговор атомизированной современности посредством гештальт-мышления.

Результаты и обсуждение

В секуляризованном и буржуазном обществе Нового времени политический гештальт становится все неопределенней, все менее четким, его организующая сила становится все меньше из-за чего возникает все больше «лишних людей», «собрание» политического сообщества в единство становится все более сложным, неизбежные «сбои» приводят к возникновению «остатков» - склонных к бессознательному недовольству маргинальных слоев – тех, кого А. Тойнби называл «внутренними пролетариями» и считал главными виновниками гибели цивилизаций после ее т.н. break down, «надлома», когда исчезает «творческое меньшинство» за которым благодаря мимесису следовало народное большинство. Явственное всего угасание гештальта сообщества проявляется в спорах об отсутствии у демократического общества образного ряда, воплощающего власть в нем, ведь «демократическое правление сосредоточено вокруг пустого центра, «имагинативного вакуума», «пространства без образов [Манов, 2014, 17]». Вслед за Ф. Мановым, можно утверждать, что это не совсем так: политическое тело республики вполне реально, но воплощаемый ею гештальт становится все менее четок с каждым десятилетием. В конечном счете, это означает что способность к репрезентации у возникших в Новое время республик явно недостаточна. Именно об этом говорит К. Шмитт, когда сравнивает репрезентативные фигуры Средневековья (папа, император, монах, рыцарь, купец) с таковыми современными знаковыми фигурами как ученый и промышленный торговец. Первый имел значение только в столкновении с церковью, второй как «пуританский индивидуалист [Шмитт, 2016, 77]». Им недостает бытийной силы, их онтологическая эфемерность для консерватора очевидна. За ними не стоит порядка высшего плана, они отсылают лишь к механистической экономической реальности.

Правомерно сопоставление с еще одним сторонником гештальт-подхода и консервативного критика искусствоведа Х. Зедльмайера, который указывает на то, что предзнаменованием Великой французской революции служила эстетическая катастрофа, связанная с распадом характерных архитектурных форм Ancien Regime и приходом грандиозных проектов с подавляющими все человеческое примитивными геометрическими формами, по типу проекта архитектора Клода-Никола Леду, который планировал построить городской колумбарий в виде врытого в землю шара диаметром 80 метров. Но еще выразительней его комментарий к заметке «О солнечном затмении» Адальберта Штифтера, который описал это природное явление как утерю миром гештальт-формы, что сопровождается ощущением того, что «мир становится другим... мир стал неподвижным и отяжелел», вся эта картина завершается тем, что «сам человек стал призраком [Зедльмайр, 2008, 372]». Бесформенность эпохи преодолевается, с точки зрения консерваторов, когда гештальт вновь становится явственно виден, что вновь подводит нас к выводу, некогда сделанному М. Ремизовым о том, что консерватизм есть «определенный способ перспективного видения [Ремизов, 2004, 164]».

В таком методе мышления становится ясным значение войны для консервативного сознания. Экстремальность войны дает гештальту шанс вновь выступить во всей ясности. Для консерватора жизнь означает обращение к *действительно важному*, к тому, что забыто было в повседневной сумятице дел; война пробуждает дух, или же она уничтожает то, в чем духа не было, что обезличено отсутствием гештальта. Так для органицистского консервативного сознания Гегеля слабо и обречено то, что атомизировано, раздроблено в хаос броуновского

движения отдельных вещей и индивидов, вечно становящихся, но ни во что не переходящих, не оформляющихся ни в одно единство и целостность мир аморфности (*gestaltlos*). Это мир повседневности, недоступный мысли, лишенный гештальта, череда фактов, чья значимость исчерпывается в момент их проявления, мельтешение вспышек, привлекающих внимание неразвитого сознания, но рассеивающихся во мгле истории. В этой прозе жизни бесполезно искать истину, которая находит себя в «звездные часы человечества», в поэзии События, которое столь часто проявляет себя в войне. В «Эстетике» Гегель иллюстрирует эту особенность поэтического целостного сознания, отпечатывающего значимое и задающее значимость, приводя записанный Геродотом дистих о битве при Фермопилах: «Здесь четыре тысячи с земли Пелопа, / Стояли раз против трех миллионов».

Целостность поэтического выражения противостоит «миру, в котором развилось прозаическое выражение... в котором опыт атомизировался и лишен своей идеальности и непосредственно постигаемой значимости, очищен от своих богатства и жизненности [Уайт, 2002, 112]». Простота и сила этой фразы связана с тем, что в ней есть духовное: некто пренебрег собственными жизнями, выступив против много превосходящих сил во имя превышающего все обыденное высшего достоинства ценности родной земли и ее свободы – даже вне всякого исторического контекста этот факт указывает на реальность надиндивидуальных ценностей, на нечто значительно большее, с чем обычно всем нам приходится сталкиваться. У этого сверхобычного переживания есть много имен, и все же лишь одно из них указывает на его исключительность – это переживание глубоко сакрально, оно указывает на принадлежность к гештальту.

Заключение

Противоположные когнитивные стратегии консерватизма и либерализма, холизма и атомизма, предлагающие несводимые друг к другу герменевтические матрицы толкования ключевых понятий политической теории между тем могут рассматриваться как «слепые пятна» друг друга. Их взаимосвязь не может рассматриваться в рамках стандартных топологий: цельность взгляда на политическую реальность может быть достигнута только соединением целостного и атомарного, что представляет собой действительно нетривиальную задачу, которая может быть решена только когда обе стратегии займут равноправное положение в политической философии. Но и обращение к особенностям целостного мышления позволяет понять те своеобразные установки консерватизма, которые подчас встречают непонимание и неприятие в общественной мысли.

Библиография

1. Анкерсмит Ф., Политическая репрезентация. М.: ИД «Высшей школы экономики», – 2014. – 59 с.
2. Доусон К.Г., Боги революции. СПб.: Алетейя, – 2002. – 61с.
3. Зедльмайр Х. Утрата середины. М.: Прогресс-традиция; Издательский дом «Территория будущего», – 2008. – 372-373 с.
4. Маннгейм К. Консервативная мысль // Социологические исследования. – 1993. – №9. – 128 с.
5. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М.: Изд-во Института Гайдара, – 2014. – 17 с.
6. Ремизов М. Консервативная мысль в поисках «арены истории»// Логос. – 2004. – №6. – 164 с.
7. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, – 2002. – 112 с.
8. Цит. по Штейнер Р., Мировоззрение Гете. СПб.: Деметра, – 2011. – 52 с.
9. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, – 2016. – 77 с.

10. Шмитт К., Политический романтизм. М.: Праксис, – 2015. – 144 с.
11. Шпенглер О., Пруссачество и социализм. М.: Праксис, – 2002. – 128 с.
12. Шпенглер О., Пруссачество и социализм. М.: Праксис, – 2002. – 85 с.
13. Юнгер Э., Рабочий: господство и гештальт. СПб.: Наука, – 2002. – 96 с.

Holistic thinking in conservatism

Aleksandr N. Savishchenko

Post-graduate student,
Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kelninski@mail.ru

Abstract

Conservatism characterizes non-adherence to all age-old (traditionalism); it represents a semantic behavior within the framework of a dynamic structure of communication, which is the result of a sociohistorical situation.

However, historical consciousness plays an important role for conservatism. History is contrasted with the extra-historical concept of nature. Counter-revolutionary thinking rejected the substantive elements of natural-legal argumentation (primitive state, social contract, people's sovereignty, human rights), as well as the methodological aspects of thinking associated with it, which, within the framework of the Western European tradition, acted as reason.

Opposite cognitive strategies of conservatism and liberalism, holism and atomism, offering hermeneutic irreducible matrices of interpretation of key concepts of political theory irreducible to each other, meanwhile, can be considered as “blind spots” of each other. Their interconnection cannot be considered within the framework of standard topologies: a complete view of political reality can only be achieved by combining a holistic and atomic one, which is a truly nontrivial task that can be solved only when both strategies have an equal position in political philosophy. But turning to the peculiarities of holistic thinking allows one to understand the peculiar attitudes of conservatism, which sometimes meet with incomprehension and rejection in social thought.

For citation

Savishchenko A.N. (2019) Holistic thinking in conservatism [Tselostnoye myshleniye v konservatizme]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 219-225.

Keywords

Low intelligence, social conservatives, conservatism

References

1. Ankersmit, F. (2014), *Political Representation [Politicheskaya reprezentatsiya]*, M.: PH “Higher School of Economics”, 59 p.
2. Dawson, C.G. (2002), *The gods of revolution [Bogi revolyutsii]*, SPb.: Aletheia, 61p.

3. Sedlmayr, H. (2008), *Loss of the middle [Utrata serediny]*, M.: Progress tradition; Publishing house "Territory of the Future", 372-373 p.
4. Manngeym K. Konservativnaya mysl' [Conservative Thought]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 1993, no.9, pp. 128.
5. Manov, F. (2014), *In the shadow of kings. The political anatomy of democratic representation [V teni koroley. Politicheskaya anatomiya demokraticeskogo predstavitel'stva]*, M.: Gaidar Institute Publishing House, 17 p.
6. Remizov M. Konservativnaya mysl' v poiskakh «areny istorii» [Conservative Thought in Search of the "Arena of History"]. *Logos – Logos*, 2004, no.6, pp. 164.
7. White, H. (2002), *Metahistory: Historical imagination in 19th century Europe [Metaistoriya: Istoricheskoye voobrazheniye v Yevrope XIX veka]*, Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 112 p.
8. Quoted from by Steiner R., (2011), *Goethe's World View [Mirovozzreniye Gete]*, SPb.: Demeter, 52 p.
9. Schmitt, K. (2016), *The concept of the political [Ponyatiye politicheskogo]*, SPb.: Science, 77 p.
10. Schmitt, K. (2015), *Political Romanticism [Politicheskii romantizm]*, M.: Praxis, 144 p.
11. Spengler, O. (2002), *Prussiness and socialism [Prussachestvo i sotsializm]*, M.: Praxis, 128 p.
12. Spengler, O. (2002), *Prussiness and socialism [Prussachestvo i sotsializm]*, M.: Praxis, 85 p.
13. Jünger, E. (2002), *Worker: domination and gestalt [Rabochiy: gospodstvo i geshtal't]*, SPb.: Science, 96 p.